

ФАНСКИЕ ГОРЫ

(Из дневника туриста)

Я закрываю глаза... Издалека наплывают воспоминания. Вдруг приходят ко мне удивительные горы — Фаны.

Я вновь готовлюсь в дорогу. Рано утром самолет, пробившийся сквозь ночь, пробегает по бетонной полосе и останавливается у нарядного здания Душанбинского аэропорта. А еще через час на попутной машине мы стремительно мчимся по Варзобскому ущелью.

Горы сразу покоряют и ошеломляют нас. Еще ни разу за многие походы не видел я такой яркой, праздничной гаммы цветов: поднялись к небу розовые, голубые, зеленые скалы, редкая арча прижалась к их под-

—2—

ножкой, а высоко в небо взлетели острые вершины, недоступные и прекрасные.

Лишь вечером, сменив три машины, добрались мы к озеру Искандер-куль — начальной точке нашего похода. В темноте разбили палатки. Проснулись утром — и ахнули.

Голубое чудо в цветной оправе гор. Сбежала к тихой воде арча. Горит на солнце красная эфедра. На склоне гор еще спит случайное облако, а солнце уже ныряет в воду, бежит по ущельям и купается в реках.

В полдень мы пришли к месту, где, зажата между черными и красными камнями, с оглушительным ревом летит вниз река Искандердарья и таинственно исчезает под землей, чтобы через многие километры выбежать на поверхность и дать жизнь людям и земле.

Удивительный это водопад.

—3—

Только сверху можно увидеть бешеный поток, а все попытки спуститься вниз окончились неудачей. Над водопадом всегда густой туман брызг, а в полдень на этом тумане горит яркая радуга.

На следующий день — многодневный поход по Фанам. По ущелью реки Арг уходили мы все выше и выше по каменной тропе. Высокомерно смотрел на нас хозяин ущелья — пятитысячник Арг. Снежные мосты, редкая горная вишня с крупными сочными ягодами. Из зарослей арчи и можжевельника слышится странный и однообразный плач какой-то птицы. Все круче тропа, тяжелее дыхание, а солнце летит немилосердно и заливаает горы огнем...

На второй день похода к вечеру заночевали мы у перевала Казанок. Маленькие

—4—

наши палатки прижались к огромному камню, сорвавшемуся когда-то со склона. Изпод близкого ледника вытекает хрустальный ручей. Тихо. Мы одни в этом заброшенном мире.

В три часа ночи уходим на Казанок. Темно. Очень холодно. Подъем сразу заставляет забыть холод. Камни, лед, мелкая сыпуха делают тропу особенно тяжелой. Чувствуется высота — перевал на отметке 4150 м над уровнем моря.

В этот день мы дошли до небольшой зеленой полянки под ледником в темноте. Семнадцать часов дороги позади. Что и говорить, спали, как убитые. А утром быстрый бег вниз по тропе — и, наконец, повстречались мы с чудом: бирюзовым озером Пиалой, как круглый драгоценный камешек, мелькнувший среди камней.

—5—

Казанок — это «ключ от шкатулки». А в «шкатулке» оказались уникальные цветные Аллоудинские озера, не имеющие равных по красоте в мире. Мы бродили по берегам озер, а они из красных становились голубыми, потом набегали фиолетовые цвета, а вот уже разливалась по озеру пестрая радуга — и мы любуемся этой игрой света, вспоминаем многоцветные минареты Самарканда и Бухары...

Таджики — удивительно гостеприимный и приветливый народ.

Не успеешь поставить палатки, а к тебе уже подходит с приветствием пожилой чабан, удивительно похожий на иллюстрации к «Повести о Ходже Насредине». Еще через полчаса у костра мы с удовольствием ели острый сыр и пили холодный айран, потом до поздней ночи пили

—6—

зеленый чай, неторопливо беседовали, слушали протяжные песни таджиков и пели им наши.

А дорога зовет нас вперед. К вечеру следующего дня пришли мы в Рудаки, древний кишлак, где родился, жил и похоронен царь поэтов древности — Рудаки. В богатом саду стоит мавзолей поэта.

Очень красивы жители Рудаки. Стройные девушки в ярких одеждах, высокие мужчины в темных многоцветных халатах, старики в чалмах. Что и говорить — мы были в восторге от приветливости и гостеприимства. А чайханщик Бобо принес каждой девушке цветы, и, показав на сад, добавил: «Все что здесь есть, — ваше!»

...Я закрываю глаза. Издалека плывут воспоминания... Вдруг приходят ко мне удивительные горы Фаны.

Б. ГАНКИН.